

Новый вид любовного романа, торжество невероятных человеческих связей: друг с другом, с землей, с историей...

Энджу Абду. *The Canterbury Trails, Bone Cage*

Великолепное, увлекательное повествование. С первых страниц до последнего предложения я была блаженно очарована.

Нэнси Ричлер. *The Imposter Bride*

Это идеальная книга для тех, кто любит сестер Бронте и Джоди Пиколт.

Publishers Weekly

Элизабет уже не в состоянии читать свои книги или любоваться картинами: болезнь глаз отобрала возможность черпать силу духа в чтении и в изобразительном искусстве. Кажется, теперь ее душа совсем опустела. Но Элизабет не сдаётся: она старается заполнить мысли, всю свою душу прекрасной музыкой и трогательными воспоминаниями о семье, особенно о любимой сестре-двойняшке Эмили. Один случай заставил прошлое ворваться в настоящее: нашлись старые дневники отца, которые он вел, когда управляя маяком. Морган, девушка-подросток, читает для Элизабет. Вместе они погружаются в мир, далекий от сегодняшнего, переносятся на остров, где много лет назад смотритель маяка воспитывал чудесных детей... Неожиданно Морган и Элизабет открывают давнюю семейную тайну и понимают: они встретились не просто так...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3841-1

9 786171 1238411

ДЖИН
ПЕНДЗИВОЛ

Дочери смотрителя маяка

Джин Пендзивол

Дочери смотрителя маяка

Jean Pendziwol

THE
LIGHTKEEPER'S
DAUGHTERS

A Novel

Джин Пендзивол

ДОЧЕРИ
СМОТРИТЕЛЯ
МАЯКА

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2017 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821(71)
П25

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:

Pendziwol J. The Lightkeeper's Daughters : A Novel /
Jean Pendziwol. — New York : Harper Collins Publishers, 2017. — 320 p.

Перевод с английского *Ирины Рябчук*

Дизайн и каллиграфия

CreaLab

Creative Laboratory

Иллюстрация на обложке *Оксаны Кардаш*

ISBN 978-617-12-3841-1
ISBN 978-0-06-257202-8 (англ.)

© Jean E. Pendziwol, 2017
© Shutterstock / pyrozhenka, об-
ложка, 2017
© Hemiro Ltd, издание на русском
языке, 2017
© Книжный Клуб «Клуб Семейно-
го Досуга», перевод и художе-
ственное оформление, 2017

Эта история — художественный вымысел. Все имена, персонажи, места и события придуманы автором и не должны истолковываться как реальные. Любое сходство с подлинными событиями, местностями, организациями или лицами, как ныне живущими, так и покойными, совершенно случайно.

Посвящается Ричарду

Я был блаженно одинок
У озера, среди черных скал,
Где сосен строй кругом стоял.¹

*«Озеро», Эдгар Алан По
(1809—1849)*

¹ Перевод Г. Бена. (Здесь и далее примеч. перев.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОНЕЦ И НАЧАЛО

1

АРНИ РИЧАРДСОН

Черный лабрадор стареет. Его лапы поражены артритом, и он с трудом передвигается по проторенной тропе, осторожно переступая через корни и пронося свое крепкое тело между стволами елей и тополей. Он, опустив поседевшую морду к земле, вынюхивает следы своего хозяина.

Это утренний ритуал, следуя которому, они идут через лес от коттеджей Сильвер Айлет к заливу Миддлбран, — ритуал, совершаемый с тех пор, когда лабрадор еще был неуклюжим щенком. Но даже тогда, столько лет назад, волосы человека были уже седыми, в уголках глаз собрались морщинки, а борода посеребрилась. Теперь они оба, человек и собака, стали медлительными и осторожно шагают, морщась от боли в задеревенелых суставах. Каждое утро они отправляются в путь с первыми золотистыми лучами солнца, приветствуют друг друга, удовлетворенные сознанием того, что у них есть еще один день, чтобы сделать это.

Мужчина уверенно опирается на трость, вырезанную из узловатой ветки сосны, сначала отполированной волнами

озера Верхнего, а потом покрытой лаком в его мастерской. Она ему не нужна, пока не начинается длинный подъем, и тогда он сжимает рукоять, и трость становится как бы его частью, необходимой и неотъемлемой. Он останавливается на самом верху хребта. Здесь тропинка, по которой они идут, сливается с гораздо более широкой тропой, используемой как часть туристического маршрута, проложенного по национальному парку Спящий Великан. В это время в парке тихо.

Этот полуостров, вдающийся в озеро Верхнее, — мистическое место; будто вырубленные скалистые утесы и старые хребты, загадочно обточенные ветром, дождем и временем, приняли форму, напоминающую гиганта, который дремлет в колыбели ледяной серой воды. В легендах говорится о Нанабижу, боге индейского племени оджибве, который прилег на подходе к Тандер-Бей. Его величественная фигура превратилась в камень, навечно защитив богатые залежи серебра. История может быть мифом, но серебро здесь действительно есть. Добыча этого богатства привела к тому, что глубокие шахты ушли в землю намного ниже поверхности озера Верхнее, и горняки следовали по рудным венам под постоянной угрозой наступления воды. Рудник положил начало городку, вернее деревушке, — скопление деревянных домов, кузница, магазин. Все это стало заброшенным, когда озеро выиграло битву и похоронило серебро в ледяной могиле. Через несколько лет в этих местах появились дачники, отскоблили полы и столы, вымыли окна, прибили отвалившиеся доски, и Сильвер Айлет стал возвращаться к жизни, хотя бы на сезон каждый год. Семья мужчины уже много поколений проводила лето в одном из здешних домиков, приезжая в зимние месяцы на несколько дней или даже недель, если позволяла погода. Он с детства ходил по этой тропе.

Человек и собака начинают свой спуск к берегу, собачий хвост рисует в воздухе полукруги, трость человека то глухо ударяется о сырую землю, то постукивает по поверхности

скалы, пока тропа, извиваясь, спускается к заливу. Озеро Верхнее начинает шевелиться, стряхивая с себя туман, окутавший его за ночь. Туманные горны маяков¹ Трубриджа и Порфири, сейчас затихшие, в предрассветные часы зывали к невидимым судам, осторожно прокладывая своим путь через Тандер-Бей, мимо мыса у подножия Спящего Великана к острову Ройал и к судоходным путям озера Верхнее. Восходящее солнце и просыпающиеся ветра отгоняют оставшуюся дымку, и пара идет под пение птиц, а не под зловещие предупреждения горнов.

Предупредительный сигнал был бы более подходящим аккомпанементом.

Пес ускоряется, почувствовав близость озера. Его кости старые, и зрение угасло, но он лабрадор, и вода зовет его. Он, оставив мужчину позади, вприпрыжку бежит к пляжу залива Миддлбран и выхватывает палку из кучи обломков, которые во время недавнего шторма волнами вынесло на берег далеко от линии воды. Он трусит вдоль кромки, следы, которые его лапы оставляют на песке, стираются озером так же быстро, как и появляются.

Мужчина идет сзади, достаточно далеко для того, чтобы собака заметила ее прежде, чем на песке отпечатается первый след хозяина. Зрение лабратора затуманено, но он ощущает ее присутствие и различает очертания, когда она появляется среди камней, деревьев и волн. Он стоит в воде и лает, выронив забытую палку.

Она около двадцати шести футов² в длину, деревянный корпус раскололся, и на левом борту видна брешь; брус с кольцевыми кранцами качается, когда волны озера вздымаются и опадают под ним. Каждый вздох воды поднимает лодку с каменистого дна и снова с содроганием ее опускает.

¹ Туманный горн — устройство на маяках для подачи звуковых сигналов при плохой видимости.

² Около 8 метров.

Остатки изорванного основного паруса хлопают на ветру. Она кренится, днище проломлено, и воды озера движутся сквозь нее. Мужчине не нужно видеть имя на корме, он знает, что на ней написано от руки «Танцовщица на ветру».

Его ноги грузнут в песке, когда он торопливо идет к лодке; его следы перемежаются с круглыми отпечатками трости, так что цепочка на песке выглядит как сообщение, передаваемое с помощью азбуки Морзе. Бухта мелкая, в дальнем конце ее окаймляют скалы, именно там и лежит суденышко. Он, не обращая особого внимания на рычание лабрадора, пытается окликнуть тех, кто еще может быть на борту. Он, спотыкаясь, идет к ней, и брызги ледяной воды летят во все стороны. Онемение поднимается по его ногам, сжимая его, хватая, но он это игнорирует и продолжает пробираться между камнями, обходя опасное пространство между лодкой и берегом, потом забирается в рубку и стоит там, подрагивая.

Он никогда до этого не был на борту «Танцовщицы на ветру», и все же поток воспоминаний грозит утопить его, но постепенно стихает, когда он осматривает лодку от сломанного руля до щелкающего фала. Он помнит, как они вдвоем строили форт из прибитых к берегу коряг, когда были мальчишками, чувствует рывок своей удочки, как в тот раз, когда они взяли маленькую лодку «Душистый горошек» с гафельным парусом¹, чтобы впервые в одиночку порыбачить в заливе Уолкер, чувствует вкус украденного из корзины для пикника пива, которым они поделились, когда приплыли к черному вулканическому пляжу на противоположной стороне острова Порфири. Он слышит произносимые шепотом имена: Элизабет и Эмили.

— Черт возьми, Чарли! — говорит он, глядя на мачту и разорванный парус, а потом на силуэты двух чаек, парящих высоко в небе. — Какого черта ты сейчас сделал?

¹ Гафельный парус — вид косого паруса, парус в форме неправильной трапеции.

После их последнего разговора прошло шестьдесят лет, шестьдесят лет с тех пор, как остров Порфири исчез в огне. Он много раз видел «Танцующую на ветру», слышал истории о ее капитане, об Элизабет. Эмили. Но они не разговаривали, он и Чарли. Сделав это, они бы выказали свою причастность, хоть и с благими намерениями, и усилили бы боль сожаления. Она преследовала его. За все это время не было и дня, чтобы он не думал о них. Ни одного дня.

Старик держится за упорную планку, чтобы сохранить равновесие, и смотрит вниз. Подушка кресла и бейсболка плавают в воде. На штурманском столе лежит стопка книг, неплотно завернутых в выцветшую парусину, рядом — моток шпагата.

Он садится на сиденье рулевого. Лабрадор затих. Его мысли прерывает только щебет птиц, негромкая болтовня ветра с озером и скрипучие жалобы лодки. Чарли Ливингстона нет на борту.

«Танцующая на ветру» лишена жизни, за исключением мерцающего сияния керосинового фонаря, который горит слабо, но непокорно, привязанный к грузовой стреле, как маяк.

2

МОРГАН

Какая, черт побери, пустая трата времени! Кучка благодетелей, сидящих и придумывающих глупые правила. *Мы изучаем...* Как они это назвали? «Восстановительные реабилитационные процессы». Они могут сказать, что пытались, что, проявляя сочувствие, протянули руку помощи какой-то обездоленной душе — *смотрите, какие мы умные и прогрессивные!* Спрятанные в своих маленьких мирках со своими идеально вежливыми детьми, которые ходят в школу, они занимаются домашними делами, обращаются с петициями,

требуя запретить нездоровую пищу и положить конец голоду в Африке, играют в баскетбольных командах и никогда ничего не употребляют в субботу вечером. И они похлопывают друг друга по спине и говорят — *Смотрите, какие мы хорошие родители, какие хорошие граждане*. Если бы они только знали!

Пускай добавят свой крошечный стежок в шов на моей зияющей ране, наставят меня на путь истинный. Я извинюсь и сделаю вид, что принимаю их сочувствие. На самом деле это не моя вина. Это система подвела меня.

Чертова трата времени.

Они перетряхнули мой рюкзак. Мне следовало сбросить его в канаву перед тем, как зайти в «Макдоналдс». Или, по крайней мере, избавиться от баллончиков с краской. От этого точно не отвертись. *Нет, офицер, я не была рядом с домом престарелых. Нет, сэр, я не имею никакого отношения к этому граффити. Это не мои. Я просто не сла их другу. Кому? Ох, мм... его здесь нет.*

Придурки. Никто за меня не заступился. Никто. Все они сидели, опустив глаза, и пили через трубочки свою диетическую колу с таким же снисходительным выражением лица, какое бывает у их родителей. *Бедняжка. Разве можно ее в этом винить?*

Видимо, можно.

Когда они привезли меня домой, я видела, что Лори злится. Она прочитала мне нотацию из серии «как я разочарована», от чего я закатила глаза. Меня отправили к ней и Биллу чуть больше года назад, и, в то время как они ведут себя так, будто им не все равно, меня это не слишком трогает.

Они не мои родители, и я не заинтересована в том, чтобы притворяться. Я здесь надолго не задержусь. Я просто очередной приемный ребенок в потоке приемных детей, который проходит через их дом.

Автобус останавливается перед утопающим в зелени зданием, высаживает меня напротив дома престарелых и, запыхтев, уезжает. Я остаюсь одна на тихой, обсаженной деревьями улице, где меня пробирает холодный ветер. Кое-где вдоль бордюра кружатся опавшие листья. Я следую за ними по дорожке до входа.

Боже, я ненавижу осень!

* * *

Дверь, конечно, заперта, и я дергаю ее несколько раз, прежде чем замечаю кнопку звонка. Здесь полно богатых стариков, таких, которые могут себе позволить частных медсестер и поваров на полный рабочий день, и к тому же заведение расположено у реки. Будто для них это имеет какое-то значение. Они, наверное, даже не вспомнят, что ели на завтрак. Я нажимаю на кнопку звонка, и в динамике сквозь потрескивание пробивается чей-то голос. Не могу, блин, ни слова разобрать, но догадываюсь, что спрашивают мое имя.

— Это Морган. Морган Флетчер.

После длинной паузы что-то гудит, шелкает замок и дверь открывается.

Я нахожу кабинет администратора и останавливаюсь, чтобы постучать в открытую дверь. За столом женщина средних лет перебирает папки.

— Садись, Морган, — говорит она, даже не удосужившись посмотреть на меня.

Так что я сажусь на край одного из стульев и жду. На табличке, едва виднеющейся среди стопок документов, написано «Энн Кемпбел, медицинская сестра, исполнительный директор». Полагаю, это она будет руководить моей «восстановительной реабилитацией».

— Хорошо. — Мисс Кемпбел вздыхает, беря папку в руки. — Ты Морган Флетчер. — Она снимает очки и кладет их на стол. — Понятно.

Я знаю, что ей понятно. Она видит то, что хочет увидеть. Видит мои прямые волосы, окрашенные в цвет воронова крыла. Видит мои серые глаза, подведенные темным карандашом, узкие джинсы и высокие черные ботинки, а еще ряды серебряных гвоздиков на мочках ушей. Она видит мое бледное лицо, которое я с помощью макияжа сделала еще бледнее, и ярко-красные губы. Она не замечает, что я, пожалуй, немного напугана. Я не позволю ей этого увидеть.

Я вальяжно развалилась на стул, скрестив ноги. Значит, вот как это будет. Отлично.

Мисс Кемпбел открывает папку.

— Так что, Морган, часы общественных работ, да? Тут говорится, что ты согласилась стереть граффити и помочь в работе по техническому обслуживанию под руководством начальника хозяйственной службы. — Она снова смотрит на меня. — Ты будешь приходить сюда по вторникам и четвергам сразу после школы на протяжении следующих четырех недель.

— Ага. — Я постукиваю пальцами по столу и рассматриваю свой маникюр. Ногти накрашены красным лаком, в тон губам. Кроваво-красным.

— Понятно, — говорит она. Снова. Мисс Кемпбел ненадолго замолкает, и я вижу, что она меня изучает. Я знаю, что в той папке. Меня не интересует ее мнение. Более того, мне не нужна ее жалость. Я перевожу взгляд на паучник¹, стоящий на полке в верхней части шкафа. Она снова вздыхает. — Ну, тогда, я полагаю, следует познакомить тебя с Марти. — Она кладет на стол папку, хранящую мое прошлое, и, поскольку у меня нет выбора, я следую за ней по коридору.

Марти старый, но не настолько, как живущие здесь люди. Он напоминает мне безбородого Санта-Клауса, с его круглым животом, обрамленным красными подтяжками. Его белоснежные пушистые брови живут своей жизнью, волоски торчат

¹ Паучник — комнатное растение хлорофитум хохлатый.

в разные стороны и закручиваются. Они восполняют нехватку волос на его голове с блестящей лысиной и взлохмаченной челкой от уха до уха. В первую очередь мое внимание привлекают его глаза под неударжимыми бровями — пронзительно синие, цвета неба в холодный зимний день.

Марти сидит за своим столом, старым карточным столиком, придвинутым к одной из стен забитой припасами кладовой. На столе лежит стопка газет и книга, на обложке которой изображены танцовщицы. Я узнаю художника: Дега. Он один из моих любимых. В нашей старой потрепанной книге были репродукции картин всех импрессионистов, но Дега нравился мне больше всего. Марти, наверное, использует страницы этой книги для вытирания кисточек.

— Это Морган, — говорит мисс Кемпбел.

Он встает, поправляет подтяжки и смотрит на меня своими синими ледяными глазами, так что я в конце концов не выдерживаю его взгляда и опускаю глаза, уставившись на чем-то забрызганный плиточный пол.

— Морган, — повторяет он, кивая. — Я тебя ждал. Лучше тебе надеть рабочий комбинезон.

Мисс Кемпбел разворачивается и уходит, не сказав ни слова.

У меня такое чувство, что Марти больше поспособствовал тому, что я оказалась здесь, чем она.

3

ЭЛИЗАБЕТ

Чай принесли с обычной пунктуальностью. Это то, что я здесь обожаю.

Полагаю, что мое пристрастие к определенному распорядку зародилось в детстве, проведенному на маяке. Моя жизнь столько лет измерялась часами и минутами, разбиваясь на

фрагменты служебного и свободного времени, с пометками, когда нужно зажечь пламя, завести часы, проверить, достаточно ли горючего.

Я начинаю чувствовать себя здесь как дома. После стольких лет. Сколько уже прошло? Наверное, года три. Дни сливаются в один; сезоны быстро сменяют друг друга, и я потеряла им счет. Мне повезло — нашла такое место, где я хоть в чем-то могу оставаться независимой, чего я так жажду, и все же получать необходимую помощь. К тому же пришло время вернуться, оставив небольшую виллу на побережье Тосканы, которая была нашим убежищем более полувека. Мы выбрали ту, что была достаточно близко к воде, чтобы слышать крики чаек и шум разбивающихся о берег волн. Несмотря на это, я чувствовала, что Лигурийское море никогда не разделяло непостоянного настроения озера, что оно всего лишь замена дому. Мы были настолько счастливы, насколько можно было ожидать, будучи такой странной парой, укрывшейся от любопытных глаз окружающего мира. И каждая из нас оставила свой след, своего рода наследие. Конечно, мой совсем не такой выдающийся — всего лишь несколько книг, некоторые из них еще продаются в сувенирных магазинах и художественных галереях по всему миру.

Я сижу в папином кресле, шерстяной плед, который мы связали вместе с Эмили, покрывает мои колени. Я открыла окно, приглашая осенний бриз прогуляться по моей комнате.

Нужно быть осторожнее с чаем, чтобы не обжечься. Я пальцами исследую поднос, пробегаю ими по маленькому чайнику, нащупываю носик, ручку. Другой рукой нахожу чашку. Я считаю, пока наливаю чай. Я знаю, что нужно досчитать до пяти, чтобы налить полную чашку. Они, как всегда, положили мне два пакетика сахара, хотя мне нужна только половинка одного. Ложки нет на привычном месте, и я нахожу ее рядом с молочником. Покончив с этим, я подношу

чашку к губам, легонько дую, больше по привычке, чем по необходимости, и делаю глоток. Вздыхая, я позволяю папиному креслу обнять меня.

Мне снилось, что я снова молода, мои волосы — цвета воронова крыла, глаза хорошо видят. В своих снах я танцую. Я снова на острове моей молодости, на черном вулканическом пляже Порфири, где озеро лижет берег, а ветер покачивает осоку. Я наклоняюсь, чтобы нарвать пучок золотистой ястребинки и солнечных лютиков и добавить их к букету из кивающих головками маргариток, уже зажатых в руке. Эмили тоже там, красивая молчаливая Эмили, которая всегда жила, будто находясь одной ногой в мире снов. Мы беремся за руки, две части одного целого, смеемся, и танцуем, и кружимся, пока не падаем на теплую землю, чтобы, затаив дыхание, смотреть на облака, летящие по летнему небу.

Но в последнее время в моих снах блуждает волк. Я вижу, как он смотрит на нас из просветов между деревьями. Он незаметно ходит туда-сюда между стволами березы и ели, потом обходит берег и наблюдает холодными желтыми глазами, как мы танцуем. Волк не пугает Эмили. Она смотрит на него, пока он не ложится на краю пляжа, выжидая. Но он тревожит меня. Я знаю, почему он здесь. Время еще не пришло. Но я уверена, что с каждым днем он подбирается все ближе, и ему требуется все больше времени, чтобы успокоиться и остановиться.

Это одна из причин, почему я решила, что пора вернуться к родным берегам озера Верхнее. Это место, несмотря на боль, несмотря на воспоминания, которые оно хранит, ближе всего к дому, к острову Порфири и маяку. Эмили хотела бы, чтобы я вернулась сюда.

Делаю еще глоток чая. Уже остыл. Лучи послеобеденного солнца струятся в окно, согревая меня больше, чем напиток. Я осторожно держу чашку на коленях и поворачиваюсь лицом к лучам, чтобы они меня обняли.

Слышу голос Марти снаружи. Я знаю, что он — сердце этого места. И, подумать только, он разбирается в искусстве почти так же хорошо, как я. Прежде чем зрение у меня упало, он приносил мне книги с репродукциями картин, и, пока мы пили чай, он перелистывал страницы, и мы комментировали или критиковали, в зависимости от того, чьей кисти были картины. Он был отличным слушателем, когда я рассказывала о своих путешествиях и о том, что интересного узнала в течение своей жизни, посещая художественные галереи и изучая наследие мастеров. *Женщина на этой картине — она была любовницей художника*, говорила я, когда мы смотрели на работу Ренуара. *Эту картину украли у евреев во время Холокоста и, спустя десятилетия, обнаружили на чердаке в Италии. Ее купил какой-то американец, утверждавший, что до войны она принадлежала его прадеду из Голландии.* Больше всего нам с Марти нравились импрессионисты. *Этот художник нанял троих человек ухаживать за его садами, огромными роскошными садами, Марти, с прудами, множеством тропинок и всевозможных цветов. Посмотри, какие здесь цвета!* Это было одно из любимых мест, в которых мы бывали. Мы стояли на мосту, трогая кончиками пальцев глицинию. Но там было слишком много людей, поэтому мы ушли.

Я должна была догадаться, что он узнает ее работу: простые линии, динамика, цвета. В его глазах появился вопрос, ответ на который он прочел в моих. Он единственный человек здесь, с которым я делилась историями из моего прошлого. Он мало говорит, но умеет слушать. Этого достаточно.

Марти понял, что мое зрение начало падать. Он ничего не сказал. Делал вид, что не замечает неуклюжести моих движений и неуверенности шагов. Он просто начал приносить с собой не книги, а кассеты. Записи Шопена, Моцарта, Бетховена. И мы слушали их за чаем, позволяя музыке создавать картины, которые я больше не могла видеть.

Думаю, он понимает. Я думаю, он знает, как я скорблю об Эмили, если это можно назвать скорбью. Я была и Элизабет, и Эмили, я была обеими двойняшками, дочерьми смотрителя маяка. Тяжело стать кем-то еще. Тяжело быть просто Элизабет.

Я чувствую, как проходящее облако закрывает солнечный свет, и остатки моего замутненного зрения позволяют мне уловить это угасание. Занавески шуршат от ветра, и я начинаю замерзать, когда его холодные пальцы пробираются сквозь переплетения нитей пледа. Осень для меня — время волшебства, когда мир окрашен цветами мастеров. А ведь многие страшатся этого сезона при всем его великолепии и романтике, воспринимая его как предвестие конца, зимней смерти. Но я осенью чувствую себя живой. Осень — это одновременно и начало и конец.

Я неохотно отворачиваюсь от исчезающих солнечных лучей и аккуратно ставлю полупустую чашку на поднос. Свернув плед, кладу его на подлокотник кресла. Пора. С выработанной осторожностью я встаю и иду через всю комнату к двери, на мгновение задерживаюсь на пороге. Я держу одну руку на дверной раме, решаясь. Это ежедневный ритуал, который помогает мне почувствовать себя цельной, хотя и ненадолго. Я выхожу в коридор и направляюсь в другое крыло здания.

Волку придется подождать.

4

МОРГАН

— Значит, ты все это сама нарисовала?

Когда Марти задает вопрос, кажется, что на самом деле он не спрашивает. Это риторический вопрос.

Мы набираем теплую воду в ведро у раковины в его кабинете. Марти уже сложил в другое ведро необходимые инструменты и кисти.

— Да, конечно, — отвечаю я.

Я должна делать то, о чем он попросит, но не обязана рассказывать ему больше, чем сказала копам. Знаю, он не верит, что в ту ночь я была здесь одна.

— Использовала баллончики с краской?

— Угу.

Мы несем ведра с водой и инструментами в сад. Это место весьма неплохое как для тюрьмы для пожилых людей. Много растений и дорожек, большая терраса с деревянным навесом, парой столиков и стульями. Большинство цветов выглядят так, будто они уже отцвели и их подрезали. Впрочем, среди них виднеются несколько ярких, пурпурных цветков. Они похожи на ромашки, но не совсем. В задней части сад отделен забором от велосипедной дорожки, пролегающей вдоль реки.

На Марти красная клетчатая фланелевая куртка, а я в его голубом комбинезоне. Мы обходим забор и оказываемся с его наружной стороны. Марти ставит ведро на траву, выпрямляется и смотрит на забор, скрестив руки.

— Просто так не отмоется, — говорит он.

— Да неужели? — бормочу я, достаточно громко, чтобы он мог слышать.

Марти все еще стоит, глядя на забор.

— Какой краской ты пользовалась?

Это он серьезно?

— АЭРОЗОЛЬНОЙ краской.

— Не лучшего качества.

Теперь я это знаю. Это была дешевка, которая текла и не покрывала поверхность так, как мне хотелось. Я сажусь за стол для пикника, не отвечая на его реплику. У меня есть куча времени для его вопросов.

— Не закончила?

— Что?

— Ну... ты это не закончила?

Я смотрю на свою работу. Марти прав, она не совсем завершена.

— Не-а. Кто-то, должно быть, вызвал копов, так что мы... я убежала.

Это было первый раз, когда я взялась за такой большой рисунок. Я хотела доказать им, что достаточно хороша, чтобы стать частью их команды, и это был единственный способ. Я делала это сама, но Деррик должен был приглядывать за мной, следить за тем, чтобы меня не поймали.

Я познакомилась с ними на вечеринке, на которую меня взял Деррик. Мы сидели за кухонным столом, я рисовала на пустой коробке из-под пиццы, и один из них наблюдал за мной. Я так много раз рисовала одно и то же, снова, и снова, и снова, поэтому рисунок просто перетекал на бумагу, и я практически не задумывалась над тем, что делаю. Не знаю, почему этот, именно этот рисунок, но он всегда был одним из моих любимых, и мне нравилось с ним играть, менять его, делать своим, при этом оставляя таким же. Заметив, что он смотрит на набросок, я закрыла его рукой и попыталась отодвинуть коробку в сторону. Но он меня остановил. Он взял коробку и начал внимательно рассматривать картинку на ней. Сказал, что это хорошо, действительно хорошо, и спросил, не думала ли я когда-либо изобразить это в большом размере, увидеть на стене. Я не совсем понимала, о чем он говорит. Позже Деррик рассказал мне, что он из компании художников граффити. Он показал мне несколько их работ в городе, и они были просто потрясающими.

Мы снова встретились с ними через пару недель, и, после того как мы все выпили по несколько банок пива, они пригласили Деррика и меня сходить с ними в железнодорожное депо. Мне хочется думать, что из-за того, что им понравился мой рисунок, но я знаю, что они никогда бы меня не пригласили, если бы не Деррик. Впрочем, мне было пофиг; я просто была рада, что меня взяли. Я осматривалась, пробираясь

ОТ АВТОРА

Невзирая на то, что написание «Дочерей смотрителя маяка» меня вдохновили канадские мужчины и женщины, служившие смотрителями маяков на Великих озерах в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков, это прежде всего художественный вымысел. По этой причине я позволила себе вольно пересказать историю семьи Ливингстон.

Остров Порфири является последним в цепи островов, тянущейся за пределы полуострова Блэк Бэй, расположенного на северном берегу озера Верхнее. Маяк служит для обозначения судоходного канала севернее от Айл-Ройал, ведущего к бывшим поселениям Порт-Артур и Форт-Уильям, которые теперь называются Тандер-Бей. Этот маяк построили вторым в канадской части озера Верхнее, и первым он начал освещать воды возле Блэк-Бей в 1873 году. Эндрю Дик, служивший смотрителем с 1880 по 1910 год оставил после себя несколько личных дневников, в которых рассказывал о времени, проведенном им на маяке со своей женой индейского происхождения Кэролайн и их десятью детьми. Спустя годы дневники обнаружили на чердаке одного из летних домиков в Сильвер Айлет, и два из них теперь хранятся в музее Тандер-Бей. Эти дневники и вдохновили меня на написание «Дочерей смотрителя маяка». Построенный изначально маяк не сохранился, в середине века его заменили, и, учитывая, что описанные события развивались

вокруг него, я внесла некоторые изменения в окончательную версию, самое значительное из которых — это то, что маяк был не проблесковый, а постоянного света.

В начале двадцатого века перевозка грузов по озеру Верхнее была занятием очень прибыльным. Железную руду, пиломатериалы и зерно везли в одну сторону, и те же суда везли обратно оборудование, обувь и чай. Существующие тогда технологии не допускали непрерывного движения судов, не было GPS, спутников и судовых радиостанций. Капитаны выстраивали маршрут по картам, определяя положение судна по ориентирам, используя компасы для того, чтобы определять направление, и бортовые журналы, чтобы рассчитывать пройденное расстояние. Они работали с секстантами и логарифмическими линейками и выставляли дозорных, чьей задачей было высматривать на горизонте маяки, сигнальные огни и другие суда.

Кроме светового сигнала маяка, освещающего темные воды, были еще сигналы туманного горна, которые должны были помогать незамеченным судам пробираться между многочисленными мелями сквозь пелену знаменитого тумана озера Верхнее. Опять же, я позволила себе некоторые вольности относительно описания маячного городка на острове Порфири, поскольку туманный горн на основе диафона был введен в эксплуатацию в 1908, а не в 1918 году, как я указала.

Близлежащее поселение Сильвер Айлет часто упоминается в романе, и само богато историями, трагедиями и захватывающими персонажами. Его основали в 1870-х для обеспечения нужд шахты Сильвер Айлет, работавшей до 1884 года, когда запасов угля не хватило до начала судоходного сезона. В конце концов запасы топлива исчерпались, насосы, которые не давали водам озера затопить шахту, замолчали, и озеро забрало рудник. Поскольку цены на серебро постоянно снижались, работу шахты больше не возобновляли.

Через несколько лет дома и производственные здания, теснившиеся у берега, выкупили и переделали в летние коттеджи.

В холодных глубинах озера Верхнее много останков кораблей, а «Келоуна» и «Хартнелл» — это собирательные образы жертв нескольких кораблекрушений, и в интересах повествования находятся возле острова Порфири.

Озеро Верхнее изображено достоверно — темпераментное, красивое, огромное, великолепное и капризное. Как было сказано, оно редко отдает своих мертвых, я же благодарна ему за то, что оно с радостью поделилось своими историями.

БЛАГОДАРНОСТИ

Никакая книга не создается в обстановке изолированности, хотя автор проводит немало времени в темной комнате наедине со своими персонажами, составляя им компанию. Я благодарна за ту поддержку, которую получала, пока работала над «Дочерьми смотрителя маяка».

Выражаю признательность Художественному совету Онтарио, оказавшему мне поддержку в рамках грантов для писателей и грантов на новые произведения.

Спасибо Дженни Бэнт, моему потрясающему агенту (которая только рассмеялась, когда я спросила, не ошиблась ли она номером, позвонив мне, чтобы предложить представлять мои интересы), и всей ее замечательной команде в агентстве «Бэнт Эдженси».

Благодарю мою энергичную команду редакторов в издательстве «Харпер Коллинз»: Ирис Тупхолм, Эмили Гриффин и Лору Доски, которые помогли мне продемонстрировать свои сильные стороны и сложить слова так, чтобы получилась история, лучшая из возможных, и Миранде Оттвэлл за ее внимание к деталям.

Спасибо моим «лисичкам» из общества писателей «Смелые лисицы» и всем их более ранним реинкарнациям, которые разделили путешествие печатного слова, за то, что наливали вино, ели пиццу, читали черновики, делились опытом, а больше всего за то, что заставили меня совершить

гигантский прыжок — отправить свою работу. Отдельное спасибо Хизер Диксон, Донне Вайт, Марион Агнюю, Кэти Грандфилд и Холли Хеггерти. (Как видите, рукопись больше не хранится в ящике для носков.)

Благодарю своих первых читателей Люси Лафрамбуаз, Кристин Делзелл, Даррела Макина, Сьюзан Виссер и Эмму Грантер за обратную связь. Спасибо моим справочным источникам, которые помогали разобраться во всем, от работы на маяке на Великих озерах до рисования граффити и определения типов орхидей, растущих на острове Порфири. Ларри и Патриция Райт, Тед Армстронг, Роб Фостер, Ким Армстронг, Дэйв Пуассон, Джон О’Мира, Мишель Бек, Сара Мейсон и Лора Нортузэй — эта книга стала полнее благодаря вам. Спасибо Трейси Грир и Гэвину Фритагу за то, что помогли мне сориентироваться в некоторых аспектах писательского бизнеса.

Спасибо моему мужу, моим замечательным детям Эрин, Колин и Райан, которые верили в меня даже тогда, когда моя вера ослабевала, давали честные отзывы и напоминали мне, что пора пообедать.

Спасибо моему папе Крейгу МакДональду и моей покойной матери Сью, которая брала меня плавать на паруснике каждые выходные и в летние каникулы в детстве и внушила мне любовь и уважение к озеру Верхнее. Спасибо сестрам, Барбаре Митчелл и покойной Терезе Флэтт, которые сопровождали меня в поездках и поддерживали в этом путешествии. Благодарю Мэри-Энн Бэквит за то, что снова плавала со мной под парусом.

И, наконец, спасибо зрителям маяков, чьи истории так повлияли на это повествование, особенно семейству МакКей, члены которого из поколения в поколение служили смотрителями на разных маяках озера Верхнее. Мне очень, очень повезло провести время с Бобом МакКеем, бывшим сенатором от метисского населения Онтарио,

который работал помощником смотрителя на маяке Порфири с 1960 по 1965 год вместе со своим кузеном Клифом МакКеем, смотрителем. Проводя в юности время в семейном рыбацком лагере на берегу залива Уолкер, Боб смог поделиться со мной ранними воспоминаниями об острове Порфири, личным опытом, любовью к работе на маяке, огромным количеством фотографий, чувством юмора, уважением к своему индейскому происхождению и историей своей семьи. Мне также очень повезло пообщаться с женой Клифа, Фрэнсис.

Клиф был смотрителем на Порфири с 1959 по 1979 год, и Фрэнсис провела множество замечательных летних сезонов на острове. В возрасте девятиста четырех лет Фрэнсис прочитала черновую рукопись «Дочерей смотрителя маяка» и сделала мне величайший комплимент, какой только может получить писатель, мечтательно сообщив, что она почувствовала, будто снова вернулась на Порфири.

Спасибо всем вам!

ОБ АВТОРЕ

Джин Э. Пендзивол родилась в Тандер-Бей, на берегу озера Верхнее, и в детстве много времени провела на борту семейного парусника, исследуя острова и заливы внутреннего моря. Какое-то время она была фрилансером — писала и занималась фотографией, а потом несколько лет посвятила воспитанию троих детей, прежде чем опубликовать первую детскую книгу. Она живет в Онтарио, в предгорьях Нор-Вестер, со своим мужем, двумя из троих детей, любимым песиком и тремя темпераментными курочками, которые иногда несут яйца.

Літературно-художнє видання

ПЕНДЗИВОЛ Джин
Доньки сторожа маяка
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *М. Г. Шакура*
Відповідальний за випуск *Н. О. Міщенко*
Редактор *В. М. Комісарова*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Г. Фадєєва*

Підписано до друку 25.07.2017.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 15,12.
Наклад 5000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ПЕНДЗИВОЛ Джин
Дочери смотрителя маяка
Роман

Руководитель проекта *М. Г. Шакура*
Ответственный за выпуск *Н. А. Мищенко*
Редактор *В. М. Комиссарова*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Г. Фадеева*

Подписано в печать 25.07.2017.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 5000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

• за телефонами довідкової служби
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life);
(067) 332-93-93 (Київстар); (057) 783-88-88

• на сайті Клубу: www.bookclub.ua
• у мережі фірмових магазинів
див. адреси на сайті Клубу або за QR-кодом

Надсилається безоплатний каталог

Запрошуємо до співпраці авторів

e-mail: publish@bookclub.ua

Запрошуємо до співпраці художників,

перекладачів, редакторів

e-mail: editor@bookclub.ua

**Для гуртових
клієнтів**

Харків

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@bookclub.ua

www.trade.bookclub.ua

Київ

тел./факс +38(067)575-27-55

e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одеса

тел./факс +38(067)572-44-28

e-mail: odessa@bookclub.ua

Елізабет утратила зір, але не силу духу. Вона більше не може читати й милуватися приголомшливими пейзажами, тому заповнює думки, всю свою душу музикою та зворушливими спогадами про родину, особливо про улюблену сестру-близнючку Емілі. Один випадок змусив минуле увірватися в сьогодення: знайшлися старі щоденники батька, які він вів, коли керував маяком. Морган, дівчина-підліток, читає для Елізабет. Разом вони занурюються у світ, далекий від теперішнього, переносяться на острів, де багато років тому сторож маяка виховував чудових дітей... Несподівано Морган та Елізабет відкривають давню сімейну таємницю, яка назавжди змінить їхнє життя...

Пендзивол Д.

П25 Дочери смотрителя маяка : роман / Джин Пендзивол ; пер. з англ. И. Рябчук. — Харків : Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2017. — 288 с.

ISBN 978-617-12-3841-1

ISBN 978-0-06-257202-8 (англ.)

Элизабет, потерявшая зрение, не утратила силы духа. Она больше не может читать и любоваться прекрасными пейзажами, поэтому заполняет мысли, всю свою душу музыкой и трогательными воспоминаниями о семье, особенно о любимой сестре-двойняшке Эмили. Один случай заставил прошлое ворваться в настоящее: нашлись старые дневники отца, которые он вел, когда управлял маяком. Морган, девушка-подросток, читает для Элизабет. Вместе они погружаются в мир, далекий от сегодняшнего, переносятся на остров, где много лет назад смотритель маяка воспитывал чудесных детей... Неожиданно Морган и Элизабет открывают давнюю семейную тайну, которая навсегда изменит их жизнь...

УДК 821(71)